

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

**СЛОВО
О КРАЕВЕДЕНИИ**

БОРОВИЧИ

28 ИЮЛЯ 1946 ГОДА

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

СЛОВО О КРАЕВЕДЕНИИ

БОРОВИЧИ

28 июля 1946 года

Печатается по 4-хтомному собранию сочинений
В. В. Бианки

Детгиз. Л. 1975 г.

28 июля 1946 года В. В. Бианки выступил со «Словом о краеведении» на учительской конференции в Боровичах. Писатель выбрал эту тему для своего выступления, считая краеведение делом необходимым, но не пользующимся достаточным вниманием.

«Слово о краеведении» перекликается с предисловием к книге «Наш уголок вселенной», так как и то и другое направлено в адрес воспитателей нового поколения и выражает горячее желание писателя помочь в «преобразовании образования».

...Поговорим на языке, на котором не говорят попугаи.

О. Генри

СЛОВО О КРАЕВЕДЕНИИ на районной конференции учителей.

Приветствую вас, т. т., на первой боровичской краеведческой конференции учителей, на первой, надеюсь, в бесконечном ряду дальнейших таких конференций.

Слово держу не как краевед, не как учёный, не как методист, не как учитель — как сочинитель, писатель, художник, поэт — называйте как хотите, — как жизнелюб, ваш собрат.

УЧИТЕЛЬ И СОЧИНИТЕЛЬ.

Я назвал вас своим «собратом». На самом деле, разве учитель и сочинитель (писатель) не одно дело делают? Они учат жить. Особенно близки в своей работе учитель средней школы и сочинитель, пишущий для детей, и тот и другой делают особо ответственное дело: детей учат жить, так сказать, «открывают им глаза на мир». И у обоих одна и та же задача: коммунистическое воспитание детей.

Так как же не друзья и братья?

К сожалению, далеко не так. К сожалению, часто, — ох, как часто! —

Друг другу мы тайно враждебны.

Завистливы, глухи, чужды, —

А как бы и жить и работать,

Не зная извечной вражды!

(А. Блок. Друзьям)

Конечно, «о присутствующих не говорят» ... Но факты: этой весной коллективное требование группы учителей — Леинградскому комитету по радиовещанию — прекратить передачу «Сказок бабушки Арины». Дети, мол, перенимают словечки из сказок, а нам, учителям, велено бороться за чистоту языка.

Это — учителя-чиновники, способные понять лишь букву закона, а не его дух — суть.

Явление чрезвычайно распространённое: война таких учителей с живым, полнокровным, ярким и выразительным народным языком, с художественным словом в литературе.

Посади такого учителя редактором, — он выправит всю «Войну и мир» так, что от Толстого ничего не останется, разве только... «расписание уроков». (Лев Толстой в письме к Тищенко: «Люблю неправильности языка, которые есть характерности»)

Война таких учителей со сказкой. (Мне ли не знать их нападков! Хотя пишу только «сказки-несказки» с самым реалистическим основанием.) В результате ребенок обескрыливается; в нем убивают фантазию, мечту; из

таких выходят оправдомы — люди, не способные ни к какому творческому труду, работы.

Сами эти учителя говорят на ужасном дохлом языке: «оформить детей к празднику», «извиняюсь!» (себя!), «выявить истину» и т. д., а когда пишут учебники, изъясняются таким «русским» языком: «Глухари стреляются из ружей с собаками». Не земля, а «почва», не дожди, а «осадки». Они и в художественной литературе требуют «обыкновенного суконного языка, доступного среднему идиоту». На художественную литературу для детей у них чисто утилитарный взгляд, чисто утилитарные требования к писателю, поэту, художнику.

Говоря с детьми на своем выхолощенном, омертвеченном, штампованном языке, они скоро разбивают себе лоб об стену — убеждаются в простой истине, высказанной М. Горьким в его статье «О безответственных людях и о детской книге наших дней» («Правда», 1930 г.): «Говорить детям суконным языком проповеди, это значит, вызывать в них скуку и внутреннее отталкивание от самой темы проповеди, — как это утверждается опытом семьи, школы и «детской» литературы дореволюционного времени».

Тогда они обращаются за помощью к писателям, поэтам.

Их требования:

- Напишите увлекательно, как переходить улицу.
- Дайте такую книжку, чтобы дети не играли с собаками и кошками, так как от этих животных у детей заводятся глисты.
- Напишите книжку — только непременно в стихах! — о пользе ... касторки.

Смешно?

Нет, — страшно.

Эти враги художественной литературы не способны понять, что нет искусства без поэзии, а поэзии нет без музыки — музыки человеческого сердца, без любви и мечты. Что писатель, поэт, художник, прежде всего, живой человек, набитый не отвлечёнными понятиями, взятыми напрокат из учебников, а музыкой своего сердца, соприкасающегося в поэзии с сердцем мира, — что

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан, —

что поэт рождается с певучим сердцем и в этом подобен детям: так же широко открыты у него глаза на мир, так же бежит от всего скучного, абстрактного, мертвящего:

Ненавижу всяческую мертвечину,
Обожаю всяческую жизнь! —

так же разговаривает со всем в мире — с людьми, животными, растениями, землёй, камнями и звёздами — на общем их языке: языке

поэзии, языке сказки, музыки, волн морских, и шелеста листьев, и птичьих песен.

Поэт — это, прежде всего, мироощущение.
И когда бежит он
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубравы, —
тогда для него:
Длятся часы, мировое несущие,
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего-
Жалкого нет.

(А. Блок. Художник)

Тем страшным «педагогам - чиновникам», о которых я говорю, никогда не понять, что тот, кто что-нибудь вносит в искусство, изменяет всё, чему учился! (Эмиль Золя. «Художник»), что поэт, художник, «сочинитель» заново открывает мир, мир для себя и людей, «сочиняет» свой мир, — что он подобен новорождённому или влюблённому.

Поэзия (музыка души) сродни первой улыбке ребёнка. «Когда ребёнок, — говорит Онорэ Бальзак «Евгения Гранде», — впервые начинает видеть, он улыбается...» (Первая радость — радость узнавания: мы узнаём мир и себя в нём, узнаём свою мать, давшую нам жизнь и кормящую собою! («Когда девушка подозревает непосредственное чувство (то есть когда она впервые полюбила), она улыбается, как улыбалась ребёнком»). «Если свет — первая любовь в жизни, то любовь — не свет ли в сердце?» — спрашивает Бальзак.

Немыслимо искусство без поэзии, поэзия без музыки, музыка без света любви. А любовь превращает жизнь в чудо, — для поэта жизнь всегда чудо, и всегда полна неизведанных тайн, и всегда полна красоты, а «красота, мне кажется, всегда — обещание счастья (Стендаль).

Вот вам и — «пишите стихи о касторке» товарищи сочинители! А учитель! Разве он обязан думать о счастье, о красоте и свете, о свете красоты, о каких-то неизведанных тайнах, превращающих жизнь в чудо, — о любви, о музыке, о поэзии, об искусстве, когда учит детей, что $2 \times 2 = 4$?

Не трудитесь сразу дать отрицательный ответ.

Рассмотрим.

Обязанность учителя — передать вступающим в жизнь (детям) то, что человечество за все века своего существования накопило в сокровищнице своего опыта и знания, — в той мере, которая положена государством для дошкольников (обязанность воспитателей), для младших школьников (обязанность «комплексников» — преподавателей в младших классах для школьников средних и старших классов (обязанность «предметников» — учителей, преподающих уже специальные, выделенные из общей груды науки, дисциплины).

А зачем он обязан делать это (и делать на совесть)? Это ведь только средство. А цель? Цель в том, о чём я упомянул в самом начале и что одинаково составляет задачу и учителя и сочинителя (то есть поэта): научить детей жить, открыть им глаза на мир, дать им коммунистическое воспитание. Научить понимать окружающее, вложить в их души стремление к лучшей жизни, дать им в руки инструменты современной науки и современного искусства, безостановочно стремящихся вперёд. Одним словом, цель и учителя и сочинителя — счастье детей, всего человечества, за ним — и своё собственное, ибо нет для человека большего счастья, чем вложить свою лепту — пусть хоть грошик! — в общую копилку культуры, где копяты веками и тысячелетиями сокровища постижения жизни. За эти сокровища человечество выкупит в конце концов своё счастье у Вселенной.

Цель высокая. И преступление подменять её — средством. Отсюда — задача учителя не быть попугом, твердя заученное по учебнику. Цель его не узкая — «вложить» под черепную коробку детей, разложить там по полочкам готовые, спрессованные в кирпичики текстички знаний, снабжённые этикетками и пронумерованные, а очень широкая цель — научить учиться. Научить учиться из книг. Уметь обращаться с книгой — дело большое. Но ещё большее дело — научить учиться жизни. И научить учиться этому учитель может, только сам участь, — не только из книг, но обязательно непосредственно из жизни. Научиться «собирать факты, что бы создать из них идеи».

(Бюффон).

Вот такой учитель — не дохлый чиновник от-сих-до-сихов, не обыватель, ничем в жизни не интересующийся, кроме «печного горшка» да своей служебной карьеры, — а живой человек, всем на свете интересующийся, живущий с широко открытыми на мир глазами, наблюдающий и думающий, — такой живой учитель собрат поэту (сочинителю) и художнику. Собрат он и ученому. И конечно, все здесь присутствующие именно такие люди и учителя...

Но вы, верно, давно уже хотите прервать меня: «Все это прекрасно, но какое это имеет отношение к краеведению, — к теме нашего собрания?» Самое прямое отношение. Это я и постараюсь доказать дальше.

О НИЩЕНСТВУЮЩИХ БОГАЧАХ.

Что значит человек,
Когда его заветные желанья
Еда да сон?
Животное — и все.
Наверно, тот, кто создал нас с понятием
О будущем и прошлом, дивный дар
Вложил не с тем, чтоб разум гнил без пользы.
(В. Шекспир. Гамлет)

Оставив в стороне бога, увидим, что в процессе эволюции человек вступил на высшую от животных ступень именно благодаря этому «дивному дару» — разуму, сознанию, самосознанию, — «понятию о прошлом и будущем».

Понять прошлое и будущее невозможно без понятия о настоящем. Пристальное внимание к настоящему — к окружающему миру, хотя бы в самых узких рамках — пусть даже в пределах одной деревни, городка, сада и леса, одного озера или речки, — пристальное внимание — вот первое качество краеведа.

Живой краевед начинается там, где кончаются сведения о крае, подчерпнутые из книг, и начинаются личные наблюдения из местной жизни — и, конечно, их запись, — личное исследование местной жизни, «сборание фактов».

«Краеведение» в широком смысле есть, в сущности, «жизневедение» в неограниченном масштабе, начиная с местного быта. Понятие «краеведение» охватывает как изучение местной природы, так и изучение местного человека — то и другое в их настоящем, прошлом (история) и, по возможности, в будущем. Ведение подразумевает в себе не только приобретение знаний, но и передачу их людям (культура и письменность).

Каждый писатель, в какой бы «край» он ни приехал, сразу становится «краеведом». С первого же дня пресловутая «записная книжка писателя» начинает заполняться его личными наблюдениями над местным наречием, местной жизнью человека и природы. Писатель, поэт собирает факты на месте, художник делает этюды. То и другое (в какой-то мере) пригодится им потом, ибо всякое настоящее искусство растёт из жизни, в основе своей опирается на жизненные факты. «Творя», всякий художник преломляет эти факты, как говорится, «сквозь призму своей души» и особым образом, в силу своего таланта, претворяет их в образы — тем более типичные, чем более его «художественный талант» — в реалистические, романтические, лирические, сказочные образы, в зависимости от характера своей «душевной призмы», своего «таланта».

Художник никогда не бывает простым протоколистом фактов в своих художественных произведениях: натурализм — не искусство.

Вот почему я упорно придерживаюсь, говоря о писателе, поэте, художнике, пушкинского слова «сочинитель»: художественное творчество есть сочинительство.

Это, однако, относится уже к обработке собранных фактов, столь различной у писателя-сочинителя и ученого, не имеющего права ничего сочинять.

Вообразить себе только поэта, художника, не изучающего «натуру», питающегося одной литературой!

Мыслим разве учитель, беспрестанно, изо дня в день не изучающий своих учеников (то есть «местное население»!), условия их быта, их язык, их характеры, способности, наружность? Не делающий этого ничему не может

научить детей, и это входит в его обязанности. А делающий это тем самым собирает, накапливает для себя, для своей работы краеведческие факты. Ведь в каждом крае, в каждой области, в каждом районе, в каждом городе и в каждой деревне свои характерные особенности местного населения, его быта, зависящие от особенностей местной природы, человеческого труда в ней и т. д. У «предметников» обязателен еще некий специальный интерес в области того предмета, той научной дисциплины, которую он преподаёт.

И к кому же обращаться, приехав на новое место, как не к местному учителю, сельскому учителю? (Прежде еще попы хорошо знали деревню — благодаря институту исповеди и требам).

И кто же лучшие краеведы, как не учителя? (Серебров на Урале, Серебряный и др. на Алтае, М. Терезкин в Якутии; ярославские учителя-краеведы.)

Правда, с горечью приходится констатировать, что многие наши учителя (опять-таки не говоря о присутствующих!) именно в этом отношении далеко не на высоте положения. Мне лично сколько раз приходилось констатировать, что преподаватели, например, зоологии совершенно не знают местной фауны, изумляются, услышав, что у них под носом живут два разных воробья (для них всякая мелкая птица воробей, а побольше — ворона), а преподаватели ботаники ничегошеньки не смыслят в местной флоре. До того, что поповник («любит — не любит») принимают за лекарственную ромашку, а дерево «верес» (можжевельник) путают с травой вереск.

Такие учителя, учителя-чиновники (обыватели), знающие свой предмет лишь «от сих до сих», «в пределах учебника», не видящие вокруг себя того самого, о чем учат детей по книжке, могут вызвать у детей только отвращение к тому предмету, который преподают, только калечат детей.

Это — нищие, нищие духом и сердцем. Они слепы, глухи и очень жаль, что и немые, к тому же: их мертвый голос убивает в ребенке всякую любознательность и желание учиться.

Странное дело: как часто приходится слышать от сельских учителей и учителей в малых провинциальных городах жалобы на скуку. Как часто спрашивают у меня: «Зачем вы приехали к нам сюда? У нас тут такая скука! Ни театра, ни кино; гармошки даже нет в нашей деревне. Леса да болота — зелёная скука! То ли дело у Вас в Ленинграде, в Москве... Тут и заняться нечем».

Признаемся себе со всей откровенностью: «скука внутри нас», и только внутри нас: нет её нигде в мире вне нас, ни одно живое существо в естественных условиях своего существования никогда не испытывает скуки, кроме человека. Скука (так же как пошлость) — понятие чисто человеческое. А человек скучает только тогда, когда ничего вокруг себя не видит и не слышит «интересного», не знает, чем занять себя.

Скучно, ох как скучно быть слепым, быть глухим и совершенно ничего не понимать, что кругом тебя происходит. Ещё бы не скучать такому человеку — нищему!

А надо сказать, что мы (как правило!) совершенно не видим того, что примелькалось нашим глазам, совершенно не слышим того, к чему привыкли наши уши, — как бы вовсе перестаём ощущать то, к чему привыкло наше тело.

Примеры.

Сидишь за столом, работаешь, куришь — и нисколько не обращаешь внимания на то, какой вокруг тебя воздух. Войдёт «свежий» человек: «Как вы можете тут сидеть? Да тут топор можно повесить!» Визжат купальщицы, погружаясь в воду. А через две минуты — тепло в воде и уютно, тело привыкло, и уже воздух кажется холодным.

У Чехова человек, проходя мимо магазина, ежедневно читает вывеску: «Большой выбор сигов». Случайно раз остановил глаза, оказывается: «Большой выбор сигар». А ведь каждый день читал и не удивлялся бессмыслице написанного: магазин-то табачный!

Мы даже самих себя не видим (кроме как в зеркале): например, рук своих. Короче говоря, мы не видим, не слышим того, о чём не думаем.

А задумаемся, взглянув, увидим — и вот удивимся. Мы не умеем видеть. Нас учат (учитель, учебник) видеть. Тогда, смотря, мы видим те признаки предмета, на которые нам указали. И обычно, научась предмет видеть, мы разучиваемся на него смотреть.

Взять эту бумажку в руку. Ведь совсем не все равно, как на неё смотреть: отодвинув на длину руки — буквы многие не различишь, держать «в фокусе» или — у самого носа (почти- ка что-нибудь!).

..И всякий предмет, всякий пейзаж, всякое животное и растение рассказывает, как бумажка, покрытая таинственными письменами, которые надо разобрать.

Дело художника (писателя, вообще искусства) — учить людей смотреть. Смотреть и рассматривать.

Дело учителя обычно в том, что он научает видеть, не научив смотреть. И очень скоро (от ежегодных повторений курса) он сам абсолютно разучается смотреть, а значит, и видеть что-либо, кроме «перечисленных признаков».

Разучась видеть мир, жизнь, как она есть, во всей её сложности, неожиданности и красоте, мы живём в царстве признаков, ограниченных признаков, — ограничиваем себя, человеческое в себе, — пытливость глаз ребёнка и художника (которым всё интересно, для которых вся жизнь — тайна, диво, дивное!), — заключаем себя в узкие рамки, запихиваем себя в футляр.

Стоит задуматься, почему, рисуя человека с окончательно усохшей душой — классический тип «человека в футляре», духовного нищего, — Чехов неизбежно должен был взять именно педагога, учителя.

И ещё: недостаточно знать предмет по учебнику, — например, природу. Тут даже определителя мало: по кой-каким признакам найдёшь название растения или животного. А ведь названия — особенно придуманные учеными названиями (абстрактные), не народные — это только

вывеска, этикетка.

Этикеточное (очень неточное!) знание природы приводит к тому, что человек, хорошо знающий растение, животное по учебнику, не узнает его в природе, в поле, в природе.

— Это турухтан. Нет, турухтан с пышным воротником.

А дело в том, что в учебнике был рисунок самца в весеннем пере. Учёный не узнал молодого скворца. Удада со сложенным хохлом не узнают. В лучшем случае мы знаем окружающих нас животных, растения лишь по названию, по имени: «ворона». Умеем повесить ярлычок, этикетку.

Человек, не умеющий смотреть на мир широко открытыми глазами, — слепец, сидящий на груди богатств и даже не подозревающий о них, нищий богач, так как бесчисленные эти сокровища принадлежат ему, а он ими не умеет пользоваться.

Всем нам принадлежат неисчислимы богатства, а мы, слепцы, даже не подозреваем о них. Мы «скучаем», не видя их. Но стоит только открыть глаза, мы ахнем от удивления, прозревшими глазами съест готовые будем все сокровища — уж какая тут «скука»!

Краеведение есть кладоискательство, только клады, конечно, часто материальные, так сказать, «духовные клады».

Среди вас живёт один человек — краевед, высоко чтимый и ценимый всеми учёными и просто людьми, интересующимися вашим Новгородским краем, Боровичским и соседними районами, городом Боровичи, — человек, всю жизнь посвятивший всестороннему изучению этого уголка огромной нашей Родины: организатор и директор боровичского Краеведческого музея Сергей Николаевич Поршняков — «знатный краевед», которым может гордиться Новгородская область.

Спросите Сергея Николаевича, знает ли он, что такое «скука», встречал ли он в жизни своей этого лютого зверя? И он — голову даю на отсечение — ответит, что этот зверь ни в Боровичском, ни в Мошенском, ни в Опеченском, да и вообще ни в одном из районов области не водится в природе, так сказать, «в диком состоянии». Живёт только в домах — в роде постельного клопа, — да и то лишь в очень запущенных, похожих на клетку, на тюрьму домах.

Нельзя себе даже представить, что Сергей Николаевич может не знать, «куда себя деть», от него можно разве услышать жалобы только на то, что в сутках всего лишь 24 часа, в году 365 дней.

Обладая огромными богатствами знаний, Сергей Николаевич раздаёт их всем желающим направо и налево по первому требованию, а часто и без всяких требований — сам старается всунуть их людям малым и старым. И от этого становится только богаче — прямо миллионером.

Сергею Николаевичу всё интересно, всё: каждая «мелочь» кругом случайно оброненное вами деревенское словечко, камень под ногой, травинка, песчинка, соринка, — то, что для нас — слепых и глухих — кажется чепушинкой, недостойной внимания. Мимолетность!

Сергей Николаевич может сказать о себе словами поэта:

В каждой мимолётности
Вижу я миры,
Полные изменчивой
Радужной игры.

Ведь это нам с вами только кажется, что у нас перед носом всё такое неинтересное, давно известное, а вот там где-то — в солнечной Бразилии, — там действительно...

А ведь мы с вами живём в волшебной стране — в Стране Див.

СТРАНА ДИВ, СТРАНА НЕОПИСАННАЯ.

Утверждаю в трезвом уме и памяти: здесь, в Боровичском районе Новгородской области — СТРАНА ДИВ.

Могу смело утверждать это, потому что её здесь открыл для себя. А это именно такая страна, которую каждый сам должен открыть — и действительно открывает для себя каждый краевед.

У входа в Страну Див надпись:

Р а в н о д у ш н ы м в х о д в о с п р е щ е н .

Исследователь не может быть равнодушен, иначе он никогда ничего не откроет.

Колумб страстно верил в свою «Индию», в реальное её существование. Золотом этого Эльдорадо он соблазнил Изабеллу испанскую, и она дала ему корабли. Экипаж его кораблей не верил в неоткрытую «Индию» и, устав блуждать по океану, взбунтовался и повернул назад. Страстное желание доказать свою правоту заставило Колумба преодолеть все препятствия и открыть «Индию» — Америку.

Каждый учёный, каждый исследователь, маленький Колумб. Он влюблён в свой край, и это помогает ему понять многое, что недоступно пониманию равнодушных, и увидеть в своём краю Страну Див. Каждый страстный краевед, как и учёный-искатель, подобен поэту, который, как известно, тем и отличается от «простых смертных», что он всегда влюблён. Влюбленность-то и помогает ему видеть чудесное, видеть великие тайны и великую красоту там, где равнодушный ничего не видит — и скучает, и не знает, куда себя деть от скуки, как убить своё время. Влюблённость — потом переходящая в глубокую, постоянную любовь, — даёт любому, даже самому среднему человеку, возможность видеть в том, в чём равнодушный видит лишь обыденное, ординарное, скучное, — удивительное, неповторимое, прекрасное — и так в самом малом влюбленный видит великое.

Вот избушка-развалюшка. Что в ней интересного?

Но приходит художник — человек влюбленный в свет и цвет, — и то, что видит в ней, переносит кистью на полотно. И мы, равнодушно проходившие сто раз мимо этой избушки, ахаем: до чего же она красива, оказывается, и как она задевает нашу душу, — грусти в ней сколько, и музыки души — поэзии!

Вот девчонка. Вся в веснушках, нос — курнос, «туловище» ниже колен и ноги как у воробья, глядеть не на что!

Но вот приходит влюбленный в неё, смотрит на неё и восхищается, и говорит ей, говорит всему миру о её красоте — стихами говорит, — вот неожиданность, вот колдовство: мы равнодушные, тоже вдруг начинаем видеть её красоту — светом любви горящие глаза, золотой волной спадающие на плечи прекрасные волосы, и душу её женскую, полную неисчерпаемой доброты и любви, начинаем понимать и уже знаем, что будет, будет счастлив с ней всю жизнь влюбленный в неё!

Приходилось мне говорить с учёными. Ну что на наш взгляд, хорошего в Каракумах: пустыня, песчаные холмы, раскалённая каменная пыль — смерть и смерть!

А с каким жаром, с какой любовью говорят о ней работавшие в ней учёные-исследователи: академик Е. Н. Павловский, зоолог Б. С. Виноградов и другие!

Оказывается, даже пустыня — не пустыня: в ней жизнь, да ещё какая своеобразная — невиданная, неслыханная.

Там и спящие среди лета тушканчики, суслики, которых не вырыть лопатой (пришлось побиться, чтобы разгадать эту их маленькую тайну), страшные живут на них клещи, приносящие смерть людям, варан — сухопутный крокодилчик, степной удав в локоть ростом — и чего-чего только нет!

Приходилось мне самому путешествовать по разным краям огромной нашей страны. Сколько везде интересного! Закавказье — сожжённая степь. И даже за Полярным кругом, в царстве леденящей кровь Снежной Королевы до чего же всё интересно, неожиданно-прекрасно и полно нескончаемых загадок и тайн!

Нельзя забывать, почаще надо нам вспоминать, что мы, что весь земной шарик — лишь бесконечная малая песчинка в этой невообразимо огромной вселенной. И почаще думать о том, как этот наш земной шарик молод — совсем еще младенец! — и как молоды, как несведущи ещё мы, люди, и как много ещё надо нам, всем дружно взявшись, открыть, сделать открытий на нашей полной загадок и тайн планете.

Наши современники будут казаться героическими личностями, которые сквозь дебри невежества, ошибок и предрассудков пробивали себе путь к познанию истины, к умению подчинить себе силы природы, к построению мира, достойного того, чтобы в нём могло жить человечество. Мы окутаны ещё слишком густым предрассветным туманом, чтобы могли даже смутно представить себе, каким явится этот мир для тех, кому суждено увидеть его в полном сиянии дня.

...И тут опять — у глубокого учёного, в сухой как будто бы математике и физике, у астрономов в словах не то же ли, что у поэта в стихе, приведённом мною в начале.

Длятся часы, мировое несущие,

Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого пет

И как бы каждому из нас ни казались жалки и свои силы, мы, продумав все эти мысли, не можем освободить себя от ответственности, о которой говорит Джинс: изучая настоящее и прошлое, строить основание для грядущего, то есть делать, в пределах наших сил, всё новые и новые открытия, собирать факты и создавать из них идеи.

Если уж в раскаленной пустыне Каракумы и в ледяной пустыне нашего Заполярья можно делать интереснейшие открытия, то здесь у нас, в пределах Боровичского района, их можно — и гораздо легче! — делать: ведь и людей тут гораздо больше, и природа тут гораздо богаче, обильнее разнообразной жизнью.

О себе скажу прямо: я влюблён в эту вашу природу, и край этот для меня — настоящая Страна Див. А она — эта Страна Див ещё никем не описана!

Тут у вас на что ни обрати внимание — пристальное внимание и вдумчивое, — всё удивительно, ужасно интересно, а уж красоты тут... Такой красоты природа — родной, русской с детства милой сердцу красоты, — что, право, иной раз забудешься где-нибудь на лесной лужайке, на озере, у тихо пробирающейся в кустах речушки, на узкой тропке в поле, где рожь выше твоей головы, — и чудится, что ты всё ещё маленький мальчик и живёшь в сказке, или ты впервые серьёзно влюблённый юноша — и весь мир твой, и для тебя поют птицы, и цветы цветут, и бабочки над ними порхают, и само солнце для тебя горит и для неё — твоей любимой.

И невольно расхохочешься, вспомнив, что есть люди, которым в этом прекрасном краю скучно, — те люди, которые серьёзно думают, что «нет больше тайн природы, а есть голые факты, узнаваемые из учебников».

Нет, факты совсем не голые: каждый окутан — как в иные дни озеро окутано густым, непроницаемым для глаз туманом.

И в душе просыпается страстный охотник за фактами — пристальный наблюдатель, жадный исследователь, своего рода Колумб в загадочной Стране Див, стране неописанной.

Таким охотником, таким маленьким Колумбом может быть всякий: только начать, а там так увлечёшься, что и не бросить...

Стоит только присмотреться к окружающему, задуматься над ним — и всё окажется удивительным, загадочным, полным скрытого значения. И страстно захочется распутать непонятное, разведать неизвестное, понять тонное.

Мы живём в удивительную эпоху — в эпоху, когда человек начал перестраивать всю жизнь на Земле, — и как раз это начали делать русские, на своей Пятой части Земли, — перестраивать свою социальную жизнь на основе справедливости, экономическую — на основе научных данных. Перед человечеством начинают открываться неслыханные перспективы.

ДЕЛОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Но — довольно лирики. Перехожу к деловым предложениям. Предложение у меня, в сущности, одно: давайте все вместе — все здесь присутствующие, — напишем совместную книгу — краеведческую книгу о Боровичском районе и городе Боровичах.

Не пугайтесь! А то предложу написать две книги:

1. Дела и люди города Боровичи и Боровичского края и Природа Боровичского края.

1. а). Биографии знатных людей (награжденных знаком отличия и ничем ещё не награждённых — вот вроде С. Н. Поршнякова), всех выдающихся людей — наших современников — города Боровичи и Боровичского района, — людей, внёсших в местную жизнь и жизнь всей нашей Родины нечто действительно новое и доброе (на потребу и радость всем);

б) биографии героев Отечественной войны — фронта и тыла, — героев местного происхождения;

в) биографии знаменитых соотечественников местного происхождения (Суворов, Миклухо-Маклай) и всё, что сохранила о них память народа.

2. Местный труд: заводы, производства, угольные разработки, артельный труд, городское хозяйство, дорожное хозяйство. Школа. И ещё — все остальные отрасли труда, какие имеются в вашем крае.

3. Фольклор и искусство. Запись местного наречия, песен, сказок и других видов народного творчества, кустарные игрушки и прочее художественное производство.

4. История города и края.

Во вторую книгу войдут:

1. Достопримечательные уголки природы Боровичского края. (Художественное описание их; маршруты познавательных экскурсий и прогулок).

2. Геология края (включая палеонтологию).

3. Флора края.

4. Фауна края.

В целом эти две книги — два альманаха — будут боровичской краеведческой энциклопедией.

Больно широко задумано?

Иным и не может быть общий итог совместных трудов всех местных краеведов. А временем я не ограничиваю. Однако заранее можно сказать, что если вы все возьмётесь за дело с любовью и старанием, — таких альманахов будет не два, а много, даже они могут издаваться периодически, например, каждый год.

А нужно для этого вот что.

Каждый из присутствующих возьмёт на себя, — конечно, в добровольном порядке, нежелающих нам не надо, — собирать материал по одной или нескольким («могущий вместите да вместит»!) из указанных тем.

5. Археология края (о людях, ставших природой).

Я лично, куда ни приезжаю, записываю себе местную речь и веду дневник биологических (подробнее всего — орнитологических) наблюдений. Всегда имею при себе записную книжку, а вечером дома переношу записанное в свой дневник — уже подробно (когда привыкнешь, на это уходит немного времени). Где случится, записываю и фольклор — частушки, песни, сказки, легенды и т.д.

При этом быстро развивается, так сказать, «спортивный» интерес к делу, сильно увлекаешься им, становишься страстным охотником за словами и фольклором: тренируются глаз, слух, все пять чувств в природе, и огромное испытываешь наслаждение, одну за другой раскрывая её тайны, созерцая красоту её.

Слова я записываю на отдельных маленьких бумажках, не забывая проставлять на них ударение, тут же приводишь объяснение слова и помечаешь, где и от кого слышал его.

Общий дневник биологических наблюдений веду в толстых тетрадях, а кроме того, каждый вновь встреченный вид заносу на отдельные листках. Получаются карточные каталоги, которые потом очень облегчают обработку материала.

Вот и вся несложная техника записи.

Выбери, что вам любо, и приучите себя кратко, но регулярно записывать свои наблюдения — всего и дела. Привлеките к этому своему делу школьников, организуйте у себя в школе краеведческие кружки. Очень быстро увлекутся ребята, с азартом начнут собирать для вас материал, соревнуясь друг с другом, — вам придётся только руководить ими и проверять их работу.

Через год у вас скопится целая пачка записей.

Тогда приезжайте на очередную краеведческую конференцию — вношу предложение, чтобы такие конференции созывались непременно ежегодно (пока не будет необходимости созывать их чаще!), — приезжайте на конференцию и хвастайте товарищам (в кратких докладах с мест) собранным вами материалом, как хвастает охотник добытой дичью.

Все собранные на местах материалы сдаются в краеведческий центр, — конечно, этим центром будет ваш краеведческий музей, — где они сортируются и тщательно хранятся для дальнейшей обработки и напечатания. Себе, разумеется, надо оставлять все черновики своих записей: понадобятся для дальнейшей работы — да и приятно же!

Однако моё «Слово» перестало уже быть словом писателя, сочинителя, просто занеслось уже в техническую область краеведения.

Кончаю наконец.

Разрешите только «для закругления» напомнить вам мои основные положения:

1. Учитель и сочинитель (то есть писатель, поэт, художник) и учёный делают одно общее дело — постижение мира, постижение жизни, если — уча людей (детей), — сами из жизни учатся и — по слову Маяковского —

ненавидят всяческую мертвечину,
обожают всяческую жизнь.

Худшие их враги — «человеки в футляре», люди ко всему, кроме «печного горшка» да своей маленькой карьерки, равнодушные, обыватели-чиновники. Страшен большому делу учения учитель-попугай, мёртво долбящий и головы своих учеников мёртво заученный учебник.

— Нищенствующие богачи — те люди, которые не умеют смотреть и слушать, проходя мимо загадок, которые на каждом шагу нам задаёт природа, жизнь, скучают, не зная, куда деть себя и своё время, когда кругом столько интересного, столько удивительного, что начни только изучать — и жизнь покажется коротка. И «краеведение» есть, в сущности, «жизневедение» — приобретение знаний из окружающей тебя жизни и передача их людям. Немыслим поэт, учёный, учитель, не изучающий окружающую его «натуру», другими словами — не краевед. «Скука внутри нас», и сами виноваты, если скучаем. Привыкнув видеть окружающее нас изо дня в день, мы перестаём его видеть. Но стоит взглянуть кругом пытливым взглядом — и увидишь клад, сокровища, которые обогатят твою душу.

Первое качество краеведа — пристальный взгляд и вдумчивый.

3. Страна Див, страна, не описанная ещё никем — Боровичский край. Любовь к своим родным местам поможет увидеть всю красоту их, своеобразие и значительность. Земной шар наш молод, мы — люди — совсем ещё дети, нам надо познать наш мир, чтобы построить прекрасное будущее человечества. Каждый из нас отвечает за это будущее, каждый может постигать жизнь, делать открытия в том краю, в сравнении с раскалёнными и ледяными пустынями огромной нашей страны, — богатейший жизнью край и неисчерпаемый источник открытий для краеведа-любителя уже потому, что мало был посещаем учёными специалистами. Здесь каждый может быть Колумбом и делать удивительные открытия. Край прекрасный, дивный край. Жалок тот, кто живя здесь, работает на него только в чаянии наградных, равнодушный ко всему, делает свою карьерку. Познавший свой край, полюбит его, а полюбив, прославит его в стихах и песнях.

Вот что Маяковский говорит в своем «Послании пролетарским поэтам»:

Оставим
распределение
орденов и наградных,
бросим, товарищи,
наклеивать ярлычки.
Не хочу
похвастать

мыслью новенькой,
но, по-моему, —
  утверждаю без авторской спеси,
коммуна —
  это место,
  где исчезнут чиновники
и где будет
  много
  стихов и песен.

Мои конкретные предложения передаю в президиум на ваше усмотрение.

Моё дело — дело сочинителя — научить летать, а ходить научат вас специалисты.

